Александр Кабаков Приговоренный (Невозвращенец–II)

Идея ехать поездом исходила из недр 9–го, охранного, управления Комиссии Гражданской Безопасности. Как только решение шведов стало известно, он перешел в разряд лиц охраняемых КГБ. Ранг, как сказали ему по телефону, приравнен к рангу заведующего отделом Центрального Клуба Конституционных Правых Социалистов Содружества.

По телефону же сиплый чиновничий голос зачитал поздравление Генерала–Секретаря Центрального Клуба, которое на утро должны были опубликовать все правительственные сайты и передать по государственному каналу «Народное Товарищество Виртуальности».

«...ваш вклад в российскую культуру... в наше время, когда престиж страны, несмотря на экономические трудности и политическую нестабильность, неуклонно растет... ради возрождения Великой России от Москвы до Волги... национальные ценности, завещанные нам Пушкиным и Толстым, Шолоховым и Булгаковым, Прохановым и Пелевиным... в борьбе с агрессивными силами международного атлантизма, направленными против славяно–исламского братства... желаем творческого долголетия на благо нашей Родины – Славянского Содружества Соединенной России...»

Закончив чтение телефонный голос буркнул что–то вроде «и от меня лично», сообщил об охране и умолк.

В ту же минуту позвонили в дверь и он – на ходу допивая рюмку, налитую сразу после того, как услышал сообщение в новостях – пошел открывать.

Он уже давно не принимал обычных московских мер предосторожности – не брал оружия, да и не имел его, не просматривал лестничную площадку глазком–сканером, не нажимал кнопку предварительного вызова платной милиции – был уверен, что дряхлый старик, давно не практикующий экстраполятор, всеми забытый нищий обитатель ветхой квартиры с допотопными, еще бумажными книгами, хозяин такой же, как он сам, старой, худой и капризной кошки никому не нужен. Грабили молодых – сорока–пятидесятилетних, сделавших состояния еще в конце прошлого века, в легендарную пору последних больших возможностей.

Последних великих возможностей последней великой страны...

Вламывались в шикарные квартиры и дома, полностью обшитые титановым, экранирующим и броневым листом, резали армейскими противотанковыми лазерами двери и понемногу отключая кому искусственную почку, кому принудительную вентиляцию легких, выдавливали из хозяев коды, снимали все до последнего руллара со счетов Internetbank'a...

А у него взять было нечего. За дверью стояли двое, в которых он сразу узнал тех, кто когда–то уже обеспечивал его безопасность.

– Здравия желаем, Юрий Ильич, – весьма фамильярным тоном сказал старший, удивительно похожий на кумиров видео древних времен: сухие скулы, короткий прямой нос, маленькое крепкое тело, – вот, довелось, значит, опять с вами поработать...

– Здравствуйте, – коротко и важно подтвердил младший, пухлый младенец доросший до мужских размеров, но оставшийся ребенком, – прикрепленные мы...

С этой минуты он стал государственным человеком.

Вот ведь, никогда не хотел быть государственным человеком, подумал он, а дожил.

Вошедшие быстро и ловко его обыскали, прохлопав на предмет спрятанного оружия всюду, включая промежность, бегло осмотрели пыльную квартиру и немедленно устроились спать в креслах.

А он, унижаясь и суля ей невозможное, покормил кошку, прибрал за ней в ванной, радуясь, что физиологические функции любимой пока более или менее в порядке...

И сел писать речь.

«Ваше Величество!

Уважаемые члены Комитета!

Ladies and gentlemen, господа!

Сегодня мы все прожили еще один день эпохи, которую наши потомки, я уверен, назовут Новым Временем.

Всегда людям казалось, что именно их жизнь пришлась на эру великих перемен, и всегда эти перемены приводили их в ужас – мы так созданы Творцом, что любые изменения в себе и окружающем мире склонны рассматривать как угрозу. Вероятно, в этом тоже проявляется мудрость Господа, снабдившего свою тварь чем–то вроде предохранителя: вложенный инстинкт созидания и агрессии, направленный на изменение мира, ограничивается страхом перед результатами собственной деятельности.

Но мы, сообразительные и непослушные дети, научились преодолевать запрет. Мы обошли все преграды, мы разрушили все оковы, мы подвергли сомнению и осмеянию все правила. И Новое Время, время неограниченного человеческого произвола по отношению к Божьему миру, наступило…»

Он решил передохнуть и, не выключая машину, прилег на диван. Как всегда, тихонько охнул от боли – черт возьми, все лечат, а остеохондроз видно до Страшного Суда не научатся!

Начало речи, только что придуманное, сразу показалось претенциозным, бессмысленно важным и пустым.

Гэбэшники старательно храпели хорошо аранжированным двухголосьем.

Почему же все началось с моей страны, в сотый раз он задал себе идиотский вопрос, почему всегда все начинается с нее?! Чаадаев знал… И где искать начало? С крещения? С Петра? С Ленина или Горбачева? С Ельцина или Лужинского?

До какого–то перекрестка все было поправимо, подумал он, еще можно было повернуть. И, как ни странно, тогда повернул бы весь мир, все эти высокомерные демократии. А когда мы ринулись в пропасть, эти кретины рванулись за нами, по–прежнему важничая и подводя под каждую глупость политически корректный фундамент…

Он встал, на ощупь вытащил из–под бумаг скопившихся на углу стола покоробившийся от старости экземпляр той самой, с которой все началось, книжонки, и несколько сколотых листков – копию заказной статьи, на которой все кончилось… Книжку отложил, мельком в который раз подивившись судьбе – назвал бы тогда «Беглец», никто бы ее и не заметил – и взялся перечитывать полузабытую статью. Может, какой–то кусок прямо процитировать в речи?

«…попытки сохранить мусульманские административно выделенные территории в составе страны обречены на неудачу и приведут к усугублению ситуации. Впрочем, и отказ от административного деления по этническому или религиозному принципу – как и сохранение такого деления – не будет гарантировать целостность государства в эпоху подъема национализма и религиозного фундаментализма, подъема необъяснимого с рациональной точки зрения, противоречащего национальным экономическим интересам. Эту эпоху, наступление которой станет полностью очевидным к 2013–2014 году, мы предлагаем назвать Новым Ранним Средневековьем. Ни одна большая страна не избежит распада. Даже во Франции…»

Даже во Франции…

Он отложил странички, закрыл глаза – веки саднило от ночной работы…

Да, арабы там вроде бы растворились, а все равно бывшей метрополии пришел конец… Воспоминание о последней поездке – с тех пор, уже три года, его ни на какие конференции не зовут, слишком раздражителен и не академически прямолинеен стал – кошмарное.

Поперек исхоженного когда–то из конца в конец города стена, река перегорожена стальными сетями – Восточный Париж, бывший Rive gauche, и Западный – droit, по беглецам на Запад стреляют без предупреждения с Нового моста… А Британия? Казалось, переварила все и всех, и что? Две независимых Ирландии воюют друг с другом за право быть самой независимой и объединяются только против Лондона, в Королевстве Шотландии и Северных Островов гебридские сепаратисты недавно взорвали памятник Шону Коннери, валлийцы захватили Бристоль и жгут дома англичан, пакистанцы требуют автономного графства… Испании уже давно не существует, а Каталония так и не может подписать мирный договор со Страной Басков… А в Бельгии что творится!..

И за Атлантикой не лучше, хоть и держались дольше всех. Там дурь давно зрела… И вот уже год Афро–Американская Исламская Конфедерация ведет войну против Соединенных Штатов Мексики и Техаса, Союз Восточного Побережья не признает ни тех, ни других… Представитель Канады (Квебек) в Организации Отделившихся Наций постоянно требует удаления представителя Канады (Торонто)…

А все начали мы, беззвучно вздохнул он, все мы. Хранили заветы ленинской национальной политики, будь она неладна! Прав был этот шут гороховый… как его… вылетела фамилия… забавный был персонаж в конце прошлого века… Жирнов?.. Жирковский?.. Да, прав был – отменить к чертовой матери все эти республики, автономии, регионы, назначить генерал–губернаторов…

Нет, не вышло бы, этот вирус непобедим. Даже если бы удалось – да где ж было силы взять? – ликвидировать то проклятое, еще советское, национально–религиозное деление…

Он вспомнил Грозный в две тысячи четвертом, гигантское зеленое знамя, медленно плывущее вверх под брюхом аэростата, поднимающегося над площадью Хаттаба, и тихие – без акцента, они все говорят без акцента! – слова пресс–секретаря на ухо почетному гостю: «Это начало… только начало, поверьте, почтеннейший Юрий Ильич… Вся Россия будет опорой ислама, мусульманской страной, светом мира правоверных… вы – лишние здесь, вы не нужны, и Аллах благословит вас уйти…»

Повернулся на бок, нашарил в темноте пульт, включил ночные новости. В комнате возникло слабое свечение, под потолком – лежачее положение абонента учитывалось автоматически – появился виртуальный ведущий последнего выпуска. Внешность ему дизайнеры канала придали омерзительную – скопировали одну телезвезду двадцатилетней давности: непомерная важность и глупая многозначительность… Но народу нравится.

Ведущий набычился, вчитываясь в строку телесуфлера и начал с главной новости.

«Добрый вечер. Основным событием минувшего дня остается встреча «G8» в Нанкине. Достигнут большой прогресс в деле урегулирования разногласий по поводу присутствия миротворческих контингентов в Хабаровском крае или Автономном Освобожденном Китае, как называют этот район сепаратисты. Руководители стран Большой Восьмерки – Японии, Китая, Индии, Малайзии, Индонезии, Единого Содружества Океании и Австралии, Южно–Африканского Королевства и Бразилии – заявили о готовности подписать основополагающий документ, дающий Сибири статус зоны Главного Управления Лагерей для беженцев под эгидой Организации Отделившихся Наций. Сейчас в Хабаровск уже входят перуанские, кипрские, гаитянские и осетинские миротворцы. Репортаж нашего корреспондента…»

Он выключил звук и картинка от этого стала еще ужаснее – выгоревшая тайга… окраина разрушенного города… плывущая над безлюдной улицей колонна летающих танков, над люком переднего покачивается голубой шлем темнокожего генерала…

Со двора донесся грохот, полыхнуло сине–красным фейерверочным огнем, грянуло «ура», и где–то вдалеке гигантский хор нестройно и фальшиво заорал «Двуглавую птицу счастья». Ночное народное гулянье началось…

Господи, подумал он, когда же этому придет конец?! Неужели кретины всегда и везде будут в большинстве? Но даже вопли веселящихся по поводу очередного ежемесячного трехдневного праздника – на этот раз, кажется, отмечали годовщину Великой Объединяющей Славянской Резолюции – не смогли отвлечь. Мысли все время возвращались к главному и непоправимому. Краем глаза он выхватил еще один кусок из старого текста…

«…главная ошибка западных экстраполяторов заключается в том, что современные общемировые угрозы они считают специфически российскими, либо – по мнению некоторых – имеющими российское происхождение и, следовательно, преодолимыми с помощью политико–экономического карантина для России. Но ближайшее будущее покажет, что Россия – не источник инфекции, а лишь первый больной, пораженный генетическими недугами евро–американской цивилизации: национальный организм, не имеющий западной исторической закалки, сдался легко. Мы же предполагаем, что набор политических, экономических и социальных симптомов универсален, просто в других частях мира они по–настоящему проявятся позже. Ниже мы перечислим эти предполагаемые симптомы.

Политические: амбиции регионов; этнический, конфессиональный и территориальный сепаратизм; агрессивная враждебность исламского мира; в результате – перенос центра тяжести мировой истории из Северного и Западного в Восточное и Южное полушария.

Экономические: дешевизна иссякающей, но уже никому не нужной нефти; распад транснациональных корпораций и переориентация деловых кругов на преимущества, предоставляемые «райскими» налоговыми регионами; рост убыточности любого материального производства и, в связи с этим, возникновение тенденции «технологического консерватизма».

Социальные: скачкообразное старение человечества в связи с успехами «медицины доживания» и засилие пенсионеров в общественной жизни; пандемическое распространение виртуголизма; полная ликвидация иерархии этических ценностей и возникновение общества постмодернистской «мультикультурной и амбивалентной» этики…»

Никто никогда ничему не учится, подумал он. Уж какой, казалось бы, урок преподали мы всему миру сто лет назад – нет, без толку. Приветствовало тогда прогрессивное человечество страну свободного труда, не хотело видеть ни рабов этой пролетарской свободы, ни убитых ею. И потом никакие разоблачения не помогли… Еще не рассыпалась в прах ржавая колючка опустевших лагерей, сначала немецких, потом наших, а уж университетские профессора и романтические художники по всему миру завели свою вечную песню протеста: справедливость, социальные гарантии, поддержка неэффективных членов общества, права меньшинств…

И добились своего, безответственные болтуны. Политическая корректность оказалась идеологией–то похлеще марксизма–ленинизма вместе со сталинизмом, маоизмом и прочей дрянью. Не нищих пассионариев, которые, только кликни, пойдут громить и грабить, не азиатов, африканцев или нас, межеумков – нет, солидных европейцев, работящих американцев взбаламутила. Прочный, устоявшийся мир, за века взрастивший разумного и трезвого обывателя, разрушила. «Сепаратисты имеют право на национальное identity… Террористы имеют право на суд, никакого уничтожения на месте… Бездельники, не желающие работать, должны содержаться обществом – ведь это общество виновато, что они такие… Легализовать наркотики немедленно! Gays, be proud! Бедные педофилы, они так страдают…»

И этот безмозглый идеализм дармоедов из Гарварда и Сорбонны, богемных бездарей и шутов в какие–то тридцать–сорок лет погубил целую цивилизацию.

Вот вам и свобода, вслух сказал он сам себе, и испугался. Совсем сумасшедшим стал старик… Один из охранников мгновенно перестал храпеть, как бы прислушиваясь – что еще ляпнет поднадзорный. Он, стараясь не слишком громко шаркать шлепанцами, пошел на кухню, включил чайник, дожидаясь, когда закипит, присел к уголку стола…

Их свобода довела, а нас отвращение к ней. Чуть что – караул, погибаем, зовите строгого барина, товарища генерала, отца народов! Пусть порядок наведет, пусть нас, дураков, посечет, зато потом и накормит…

По сути же, думал он, все дело в одном: в иллюзии, что можно устроить жизнь так, чтобы всем хорошо было. Талантливым и никчемным, сильным и слабым, хозяину дома и разбойнику, собирающемуся этот дом ограбить, всем поклоняющимся разным богам и верящим во враждебные идеи… Вот дадим всем равную свободу, и будет благодать – а злодей–то освобожденный давай злодействовать от души! Вот найдем сильную руку, она нас защитит – а сильная рука–то хрясь тебя по шее, а на эту сильную руку тут же другая находится, еще сильнее… Поехало, не остановишь.

Не хотели жить в драме, раз и навсегда поставленной Главным Режиссером, все подправляли спектакль по своему разумению, всеобщее счастье устраивали – доустраивались.

Им последний толчок в ад дал тот американский умник, взявшийся лечить заразу бомбами и крылатыми ракетами, когда уже поздно было, когда в Европе уже заполыхало, вся нечисть поднялась со дна. Подлил горючего, миротворец хренов, довершил дьявольское дело. «Соединенные Штаты не позволят осуществлять геноцид по этническому признаку… по религиозному… права человека…» Не позволили, идиоты! Испугались их, как же…

А у нас все окончательно пошло прахом после тех проклятых выборов. Сами проголосовали… Значит, ничего нельзя было сделать, страна призвала свою смерть.

И ты виноват больше других, опять вслух произнес он, но на этот раз храп, доносившийся из комнаты, не прервался – ближе к рассвету вовсе чугунным сном придавило его сторожей.

Ты виноват… Ведь знал, что нельзя безнаказанно придумывать ужасы – они вырастут из головы, как змеи из Медузы, и оплетут все, и задушат… Но не остановился. Как же – «профессиональная обязанность, экстраполяция как образ жизни»… Для чего себе–то врать? Тщеславие, надежды на повторение успеха, просто естественное желание заработать… А вышло вот что: награда за то, за что убить мало. Ну, получил, доволен?

Может, и доволен.

Значит, такой же, как те, орущие за окном. И перед концом света они будут лишнему выходному радоваться, а ты – тщеславие тешить.

От бессонницы и тяжких этих мыслей разболелась голова. Он долго рылся в холодильнике, нашел, наконец, лекарство, запил его остывшим чаем…

И вернулся в комнату, снова сел за стол.

С того вечера, когда передали сообщение, до утра, когда настало время выезжать, прошли долгие недели. Он вполне привык к своим надзирателям – Сергей Иванович и Игорь Васильевич вели себя все это время приличнейшим образом. Более того, он оказался им даже обязан, поскольку принял их помощь – обязан тем более, что помощь была действительно необходимой, но, оказав ее, они потом ни разу сами не напомнили об этом, не намекнули на благодарность с его стороны.

Помощь же потребовалась потому, что умерла кошка. Однажды ночью вдруг проснулась, сползла с его постели на пол, захрипела, оскалилась… Ей было больше тридцати лет, она давно жила на стимуляторах.

Он сразу почти ослеп от слез. Все потери уже остались в прошлом, и к этой он оказался не готов.

Они же – молча, не оскорбляя горькую его беду соболезнованиями – налили ему водки, сами с ним выпили, налили ему еще и, когда он, наконец, свалился в полуобмороке–полудреме, вынесли обернутое простыней окостеневшее тельце, похоронили во дворе…

Потом несколько раз приводили врача со снотворными…

В общем, к отъезду все покрылось пеплом, уплыло туда, куда уплыла уже вся жизнь – в темную, редко прорезаемую вспышками памяти пустоту прошлого…

А им он остался благодарен и испытывал от этого еще большее против них раздражение.

– А вы в голову не берите! – ни с того ни с сего вдруг завопил старший, плакатнолицый Игорь Васильевич, едва отъехал назад перрон Брянского вокзала. – Это ж служба наша, самая гуманная в мире. О ней у многих искаженное представление… Вы ведь раньше, Юрий Ильич, кто были?

Он пожал плечами:

– Был дураком, им, видать, и помру…

– Ничего подобного, – опять радостно заорал Игорь Васильевич, – вы привлеченным были! А мы вас разрабатывали, значит…

– В смысле, вербовали мы вас, – пояснил пухлогубый резонер Сергей Иванович.

– А теперь все наоборот! Вот взять нас: кто мы теперь, – снова вступил Игорь Васильевич, – ну, кто, по–вашему?

– Топтуны?.. – стесняясь, предположил он.

– Правильно, – обрадовались они дуэтом, – так и называемся: «прикрепленные»!..

– Шестерки как бы, – неожиданно тихо и грустно закончил старший. – А ведь я ваш ровесник почти, да и Сергею Ивановичу уже шестой десяток валит…

– По виду не скажешь, – тупо пробормотал он.

– Нам стареть не положено, – с внезапной холодностью парировал Сергей Иванович, – работа наша такая. В том смысле, что забота наша простая…

– Жила бы страна родная, и нету других забот, – подхватил Игорь Васильевич и дополнил, – а раз забот нет, от чего же стареть?

Обычные их фокусы, подумал он, все же контора не меняется. И, прочитав его мысли, Игорь Васильевич кивнул:

– Вы правы, Юрий Ильич. Контора бессмертна.

– И мы тоже, – вполне бытовым тоном добавил Сергей Иванович.

После чего оба дурака вскочили, вытянулись «смирно», звонко стукнувшись в тесноте купе лбами, и отдали неведомо кому честь.

Решение ехать поездом было принято «девяткой» в связи с тем, что похищения самолетов в последнее время происходили чаще обычного. Подписанное десять лет назад почти всеми странами соглашение о неоказании сопротивления террористам уже давно сделало ежедневные захваты самолетов, кораблей, школ и больниц обычной политической практикой. Противники ограничений на продажу наркотиков в супермаркетах; сторонники бесплатной эвтаназии; молодежь, борющаяся против семидесятипроцентного пенсионного налога; женщины, требующие запретить указание пола в документах; русская Армия Освобождения Бруклина; организация защиты права психически больных занимать государственные посты «Добровольная народная дружина» – все ежедневно захватывали заложников. Предъявляли заведомо невыполнимые требования неизвестно кому, не дождавшись их выполнения и даже просто ответа, расстреливали захваченных – и исчезали, в тренировочных лагерях где–нибудь под Тулой или Махачкалой начинали готовиться к следующей акции…

А поезда хорошо охранялись, поскольку уже давно исключительно по рельсам передвигались все главы государств, политические и финансовые деятели, высшие чины ОБСЕ (Объединенных Боевых Сил Европы) и даже МВФ (Международного Военного Флота).

Эти девяносто–, а то и столетние старцы не могли летать, даже если бы и решились: на крейсерской высоте современных украинских Boeing'ов, в стратосфере, у них подскакивало давление, а здоровьем они были склонны рисковать еще меньше, чем счетами в Internetbank'е, с которых пришлось бы снимать руллары для выкупа… Поэтому поезда на российской территории сопровождались агентами Комиссии Гражданской Безопасности, а за Можайском еще и хорошо вооруженными отрядами ООН (Общемировой Обороны Населения).

Так что хозяйственное управление Центрального Клуба заказало два купе – для него и для Игоря Васильевича с Сергеем Ивановичем. Стоимость всех билетов он должен был вернуть из премии, его предупредили.

Двое нестареющих клоунов накануне отъезда отлучились ненадолго и вернулись с кофром – фрачный комплект для самого лауреата, выданный на прокат костюмерными Думского театра оперетты – и с большим чемоданом, в котором были приличные костюмы для них, бронированные пиджаки моднейшей фирмы «Руслан Арманиев» и противоминные брюки, новейшая разработка оборонки могущественных соседей – на этикетках герб Ваххабитской Кавказской Джамахирии: козел с автоматом.

– Рекордной яйценоскости, – сообщил Игорь Васильевич, примеряя штаны, – противотанковая у одного мужика прямо под ногами сработала, и только ботинки оторвало, а самому хоть бы хрен…

Долгая поездка оказалась весьма кстати, он собирался всю дорогу до Стокгольма дорабатывать речь. Что–то самое важное никак не удавалось сформулировать, а высказать это важное было необходимо, он сам не мог понять, почему, но казалось, что если не выскажет – все будет совсем бессмысленно.

«…и Новое Время наступило. Сегодня, подталкиваемые страхом, мы пытаемся понять его закономерности, но старания наши будут безрезультатны, если мы не вспомним, что ему предшествовало.

Я представляю страну, которая всегда оказывалась в нужном месте и в нужный момент – для того, чтобы стать испытательной площадкой любого оружия человеческого самоистребления, от нереформируемой религиозной ортодоксии до низведенной на уровень государственной практики идеи коммунизма. И потому, что я знаю эту страну, чувствую ее, я беру на себя смелость говорить о Новом Времени.

Первая мина, заложенная людьми в прошлом столетии под собственный всемирный дом – абсолютизация потребления энергии. Энергетическое язычество, охватившее мир в прошлом столетии, предрешило нашу судьбу. Нефтяная зависимость XX века сформировала психологию человечества, обрекла нас на войны и межгосударственные интриги. Катастрофическая уязвимость ядерных энергетических производителей сделала предчувствие Апокалипсиса постоянным и всеобщим. А когда зависимость от нефти и расщепляющихся материалов миновала – в связи с внедрением новых, космопотребляющих технологий – народы оказались полностью лишенными ориентиров.

Россия, как всегда, стала первой жертвой. Из–за истощения мировых запасов нефти ожидалось повышение цен на этот основной продукт нашей торговли с миром. Но вместо этого цены упали почти до нуля, и моя страна превратилась из расточительного мота в безнадежного и сумрачного нищего.

Уже этого было бы достаточно, чтобы любой, кто предполагал страшное будущее и высказывал свои предположения, почувствовал себя непростительно виновным.

Но экономическая катастрофа, естественно, дополнилась политической. И было бы ошибкой считать, что второе следует из первого – материализм так часто предлагал лживые, лишь казавшиеся убедительными мотивы, что даже склонные к упрощениям умы отказались от него. Политика в конце прошлого и в начале нынешнего века продемонстрировала неопровержимые доказательства того, что поведение людей и целых народов невозможно исчерпывающе объяснить практическими интересами…»

Он глянул в окно. Набирая ход и едва не слетая с черт его знает сколько времени не ремонтировавшегося полотна, поезд несся к границе. В километре от дороги громоздились стеклянные карандаши–небоскребы делового центра Большого Можайска, а вдоль рельсов тянулись древние гаражи, заброшенные заводские корпуса, картонные и жестяные шалаши беженцев…

Он перевел взгляд на разложенные по столику страницы старой статьи. Никак не удавалось найти подходящую цитату для речи, смущал сухой и наукообразный – писалось–то по заказу людей серьезных, к беллетристическим украшениям относившихся с подозрением – стиль текста.

«…в результате страна съежится до размеров Среднерусской возвышенности, а то и Московской области. Практически она превратится в единый мегаполис, сосредоточение гигантского финансово–спекулятивного капитала, чиновничества и политически агрессивных престарелых пенсионеров–рантье.

Все сферы жизни в этом городе–государстве (как бы повторении некогда существовавших Гонконга или Сингапура на российский манер) будут полностью контролироваться могущественными преступными кланами. Государственной власти оставят представительские и некоторые распределительно–разрешительные функции. Источником существования всех ее функционеров, вплоть до главы государства, будет не бюджет, – нищенский по сравнению с имеющимися финансовыми потоками, поскольку полностью рухнет налоговая система, – а взятки криминального мира. Фактически они превратятся в легальное «содержание» власти ее «наиболее достойными» подданными.

Серьезнейшей проблемой такой «Московской Руси» станет почти полное отсутствие материальных ресурсов, сельскохозяйственного и промышленного производства, в связи с чем возникнет зависимость от поставок из других микро–государств, возникших на территории бывшей Российской Федерации. В свою очередь, эти страны будут опутаны сетью долговых обязательств по отношению к московским финансовым группам. Но такая «межгосударственная кооперация» на фоне постоянно растущих национализма и ксенофобии приведет не к сближению, а к состоянию непрекращающихся конфликтов, в том числе и вооруженных. Беженцы наводнят «богатую и счастливую» Москву…»

Цитировать такое – значит, выставлять себя самодовольным дураком, какие бы оговорки ни сделал, подумал он. Зачем повторять то, что теперь знает любой гражданин Соединенной России, на всей ее территории от Александрова до Наро–Фоминска и от Можайска до Голутвина? Только потому, что это было написано шестнадцать лет назад? Какая разница, когда…

Можайск, он знал это точно, принадлежит Солнцеву, наиболее могущественному из семи Фамилиархов. На своей территории члены его Фамилии контролируют не только банки, торговлю, дороги, строительство, но и все вооруженные силы, от расквартированных армейских частей и местной коммерческой милиции до коммунистических боевиков и «Русских Богатырей»… Только считанные еще работающие заводы формально находятся под контролем правительства и пожирают остатки бюджета. Но все, в том числе и Кремль, понимают, что в любой момент Солнцевы могут остановить производство и вывести рабочих на рельсы или на Можайское шоссе – если Генерал–Секретарь опять впадет в свое обычное сенильное беспамятство и чего–нибудь начудит с налогами, или с квотами, или с лицензиями… К счастью, в последнее время чудит он все реже: в территорию Солнцевых входит и Великая Рублевка, и Барвиха Первопрестольная. Бдительно следя за здоровьем национального лидера, Руслан Моисеевич Солнцев ежедневно лично проверяет подачу успокоительных в систему жизнеобеспечения.

И, надо признать, выглядит Генерал–Секретарь даже для своих не таких уж преклонных восьмидесяти четырех прекрасно.

А Солнцевы все строят и строят Можайск... И скоро, видимо, сюда потянутся многие из полумертвого московского центра, потому что Махмуд Коптев и Ким Раменских, которым принадлежит все внутри окружной дороги, никак не поделят между собой Манеж, а вокруг все ветшает, приходит в упадок... Один только двухсотметровый крест, недавно поставленный на всероссийские народные пожертвования в честь Святого Юрия Строителя, сияет золотом над Лужниками.

Шалаши беженцев за окном пошли гуще – въехали в фильтрационную приграничную зону. Несчастные, снедаемые завистливыми мечтами, стекаются сюда отовсюду и оседают лагерями по всей границе.

Недавно «Народное Товарищество Виртуальности», вспомнил он, вездесущее и всезнающее НТВ, провело опрос среди них: почему и от чего бежали из своих стран? Ответы были вполне ожидаемыми: из Республики Восточная Сибирь – от китайского трудового перевоспитания, из Всевеликого Войска – от атаманского суда, из Курско–Орловской Социалистической Освобожденной Военной Области – просто от голода... Тянутся почти бесплотные тени из руин Независимого Ленинградского Округа, прорываются – иногда и с перестрелкой, если наткнутся на пограничников – вовсе одичавшие люди из радиоактивных лесов вокруг Вольного Коммунистического Пролетарского Брянска... Пробираются подпольщики антиханской группировки «Остров Крым» из Симферополя и молодогвардейцы, русские националисты из Юзовки... Выходят с боями партизанские отряды Законного Антиправительственного Единства Белоруссии... Самые отчаянные вырываются из строго охраняемых станиц Семипалатинской казачьей резервации и лесосек Главного Управления Латвии по антигражданам...

И живут в этих коробках, укрываясь тряпками, жгут костры, ждут экзамена и заветного разрешения. «Такой–то действительно является русскоязычным беженцем, имеет право проживать на территории Славянского Содружества Соединенной России (СССР) и быть нанятым на работу при условии, что на нее не претендует уроженец СССР (б. Московская область)...» А экзамен–то по русскому сдает один из пяти, остальных выдворяют за границу, и они оседают там...

– Граница! – суровым голосом прокричал в коридоре проводник. – Приготовить паспорта и деньги для пограничного контроля!

И тут же сопровождающая парочка возникла в его купе.

– Вы, Юрий Ильич, не волнуйтесь, – затараторил Игорь Васильевич, – если у вас там пара–другая лишних рулларов в кармане, так вы нам давайте, у нас с Сергеем опыт контрабандного провоза богатейший...

– Даже командование благодарностью отмечало, – подтвердил Сергей Иванович, – за контрабанду. Так затырим, что ни один мусор не унюхает...

– А вот жаргоном ты, Сергей Иванович, зря увлекаешься, – перебил старший и вздохнул, – молодой еще...

Чертовы комедианты, подумал он, проклятые комедианты.

– Нет у меня лишних денег, – сказал он. – У меня и разрешенных–то пятисот не набралось...

Тут гэбэшники дружно расхохотались и – продолжая хохотать и повторяя «...ну, Юрий Ильич, вы даете... лишних нет... будут, Юрий Ильич, скоро будут... именно – лишние и будут...» – остались сидеть в его купе.

И сидели, пока поезд, вздрагивая и дергаясь, шел мимо пропускного пункта «Можайск–2» и пересекал границу. Никакой контроль в купе не заглянул.

После границы он решил еще немного почистить текст, хотя за окном неслась уже глубокая тьма, пробитая мелкими огнями на горизонте, и надо бы попытаться заснуть, пока вроде клонит в сон, не то опять бессонница прихватит... Но работа не шла из ума, и бессмысленная тревога дергала, мучила душу.

«...нельзя практическими интересами объяснить, например, чудовищный взрыв национализма, всего за каких–то десять лет разрушивший мировой порядок, который сложился в последней четверти прошлого века.

Нельзя одними практическими интересами объяснить и то, что происходило и происходит в культуре. Сначала она вступила в войну с цивилизацией и, признаем, победила последнюю по крайней мере на уровне предпочтений образованной среды, а затем начала растянутый суицидный процесс – и он уже почти доведен до конца.

Вместе с саморазрушением культуры шло и саморазрушение человеческой души. Нынешний «новый атеизм» вырос из нового религиозного фанатизма прошлого столетия так же естественно, как вырастает сорняк на плодородной, но дурно возделанной почве...»

Поезд набирал скорость, раскачивался все сильнее, пролетавшие мимо станции и грузовые дворы синими огненными лентами разворачивались в окне...

А он уже спал, по–стариковски отдуваясь, завалившись в угол купе, подмостив под ноющий правый бок, под замученную печень, смятую подушку.

Перед тем, как закрыть глаза, проделал, мысленно показав печени язык, неизменный уже невесть сколько лет ритуал – открутил бутылочную пробку, налил в старинную оловянную рюмку, с которой не расставался, и проглотил, почти не почувствовав вкуса. Не то что бы хотелось, но представить себя не мог без этого.

А добывать выпивку становилось все труднее, производство падало вместе со спросом, более молодые давно уже перешли на дешевые синтетические галлюциногены, продававшиеся в лавках вездесущего «Магического кристалла» на каждом углу – наполненный, запечатанный в пластик шприц.

Простой же народ засадил маком все огороды.

Но он упорно покупал из убогих своих доходов постоянно дорожающую водку. Стоял в очередях среди таких же стариков, большею частью знакомых, раздражительных вольнодумцев, дружно ругали власть и жизнь вообще...

Собственно, эти алкоголики, доживающие свой затянувшийся век, и составляли его круг общения. Да иногда звонили или даже забредали домой более молодые, еще барахтающиеся коллеги, которых мысленно, по привычке и не без гордости, называл учениками. Но они долгого разговора не выдерживали, начинали прощаться, клали трубку, спешили к дверям, отказываясь от очередной рюмки – брюзжание его делалось все более невыносимым, а запущенная квартира никогда не проветривалась

Сон его, как всегда, был неспокоен, не то сновидения, не то бред мучили неясностью, невнятностью, во сне он страдал – потому–то, видно, неосознанно и сопротивлялся засыпанию, жил год за годом в бессоннице. И сейчас, наконец–то впервые после выезда из Москвы задремав, он сразу попал в привычный ад.

Опять приближались выборы, ему, как и тогда, было известно, чем они кончатся...

Он снова видел висящие в воздухе гигантские плакаты, ветер трепал их, и лицо Генерал–Секретаря морщилось не то в улыбке, не то в угрожающей гримасе...

Шла толпа, вопль висел над улицей: «Россия – единство! Россия – величие! Россия – порядок!»

Время от времени прорывался профессионально разборчивый крик: «Губернаторам – конец! Одна страна – одна власть!»

Толпа радостно подхватывала...

И он шел в толпе, и не мог вырваться, сделать шаг на обочину...

Точно зная, что вот–вот толпа метнется, загремят очереди, взовьется визг «Регионалы! Регионалы!!»

С тротуаров, из окон, из перегородившего улицу автобуса будет лететь смерть...

В двух шагах он увидит человека, ищущего автоматом мишень...

Ствол дернется и остановится на уровне лба, он почувствует, что линия, протянувшаяся от прицела, уперлась в левую бровь...

Он упадет на асфальт, под ноги толпы…

Он проснулся и, еще не понимая, что вокруг происходит, потянулся за бутылкой – надо было прогнать чертов сон как можно скорее.

Но, не успев сделать глоток, понял, откуда во сне взялись выстрелы.

Автоматная очередь прогремела в вагонном коридоре.

И одновременно заработал автоматический гранатомет снаружи.

В наступившей после этого тишине стал слышен тонкий звон падающих осколков стекла и человеческий крик.

Тут же поехала в сторону дверь купе, и возникли его придурковатые конвоиры.

– Сидеть, – приказал старший неведомо откуда взявшимся суровым тоном, – сидеть, ситуация под контролем!

Поверх пуленепробиваемых костюмов оба натянули специальный поездной камуфляж под цвет вагонных стен и измазали лица десантной боевой раскраской, став уже окончательно похожими на цирковых коверных.

Пыхтя и толкая друг друга, они немедленно залегли на полу купе, выставив в сторону коридора стволы новейших, пятого поколения чеченских автоматов, в русских войсках прозванных «старик хаттабыч», и открыли плотный огонь. Пули застучали по стенам, завизжали, рикошетя от металлических рам и поручней.

– Врешь, не возьмешь! – кричал при этом Игорь Васильевич, и вдруг как бы бурка взвивалась над ним, и вдруг как бы подштанники открывались…

– Поближе подпусти, Игорь Васильевич, – бубнил Сергей Иванович, не снимая палец со спуска, – сейчас наши сбоку ударят.

На что Игорь Васильевич, продолжая стрелять, отвечал соответственно.

– Сама подпускай, Анка, – хрипел он, уже швыряя в коридор, словно гранаты, картофелины, сваренные «в мундире», – а я командир, я пью чай – и ты садись, пей!

Так же внезапно, как началась, стрельба кончилась.

Он осторожно глянул в окно.

Поезд стоял посереди редколесья. Между чахлых берез, поливаемых мелким серым дождем, мелькали фигуры убегающих, в которых он сразу признал бойцов «Партизанской армии имени батька Луки». Убегающие тащили раненых, безнадежно задевающих руками землю, и пленных в натянутых на головы мешках…

– И ты, Юрий Ильич, садись, пей, – услышал он и обернулся.

Сопровождающие, уже в обычных парусиновых штанах и вискозных тенниcках, в которых они постоянно расхаживали по вагону, громко втягивали докрасна заваренный кипяток. Сияли подстаканники с выштампованными паровозами и буквами «НКПС», а ложечки, которые они из стаканов, конечно, не вынули, при каждом глотке грозили выколоть глаза рыцарям революции.

– Идите вы к черту, шуты, – сказал он устало, – я поспать еще попробую.

Немедленно вскочив и отдав честь (причем Игорь Васильевич не преминул пошутить «к пустой голове руку не прикладывают»), охранники исчезли.

Но заснуть, оставшись один, он уже не смог. И не потому, что налет бандитов напугал его, к такого рода происшествиям он был готов, поезда постоянно пытались грабить – нет, сон отступил, вытесненный постоянными мыслями о неискупимой его вине… Он снова взялся править речь.

«…на дурно возделанной почве. Как и прежде не раз бывало, Россия попыталась перепрыгнуть в будущее прямо из прошлого через настоящее, и снова от этого тяжкого прыжка содрогнулся мир. Но теперь и сам этот мир, мир, созданный безгранично распространившейся европейской цивилизацией, был не так устойчив, как за сто лет до того, и новая российская революция стала первым камешком лавины.

Все обрушилось, а когда рассеялась пыль, и взору открылись обломки американо–европейского общего дома, на горизонте встали дворцы и храмы Востока и Юга. Жизнь ушла в Пекин, в Кабул, в Манделатаун, в Медельину… А нам осталось рыться среди битых идеологических камней, искать хоть что–нибудь, чем можно замостить дорогу в тупик нашей истории…»

В конце концов, подумал он, это просто мания величия в самой тяжелой форме – казнить себя за то, что события совпали с твоей выдумкой. Но даже если и не мания, а действительно… Ведь коли так рассуждать, то и Ньютон виноват в смерти всех людей, на голову которых свалились кирпичи, а не яблоки!

Сравнение казалось остроумным секунду, потом в нем обнаружилась заурядная наглость.

Он вписал несколько фраз и долго смотрел на них, постепенно отвлекаясь от смысла. Накопившийся недосып давал себя знать, и время от времени он впадал в оцепенение – не спал, но и не совсем бодрствовал.

«…тупик истории.

Что же должен чувствовать человек, проговорившийся о своем предчувствии катастрофы? Неужто лишь гордость угадавшего, профессиональное удовлетворение экстраполятора? Нет, отвечаю я себе сегодня, еще и вину, и стыд, вину и стыд тем большие, чем меньше упреков слышится от окружающих, чем выше общественная оценка сделанного…»

Он все же снова ненадолго уснул.

Теперь они уже подъезжали к Минску. Иногда, как тень дистрофика, уплывала за окном в покидаемое пространство нищая серая деревня, без людей и скота – народ давно переселился помирать в лесные землянки, куда не доставала «атецкая» рука власти. И только стая диких слепых собак, каждая с небольшую лошадь, распространяя зеленое сияние проносилась по пыльной улице, тридцатое поколение шариков и полканов восемьдесят шестого года…

Он просыпался, пил, что–то, не замечая, ел… слушал дальнюю артиллерийскую канонаду… опять дремал… смотрел в окно на руины городов, на танковую колонну, ползущую параллельно рельсам по реке грязи, которая когда–то, вероятно, была приличной дорогой… А поезд летел дальше, через разбойную, давно уже вовсе не управляемую Польшу, несся под быстро ветшающей унылой Варшавой, изгибаясь длинной дугой, будто проверяя, не потерян ли хвост, поворачивал к югу…

«…оценка. И потому я не только благодарю членов комитета и Ваше Величество; благодарю всех коллег, кто сделал не меньше, а многие, очень многие и больше моего, и на чьих трудах я учился; благодарю всех, кто сегодня поздравляет меня – не только выражаю глубокую благодарность всем, среди кого жил и живу в данный мне срок, но и прошу у всех прощения.

Пожалуй, даже прежде всего прошу прощения.

Простите меня.

Спасибо.»

Он замолчал и тут же почувствовал, как душит стоячий воротничок рубашки и режет сзади шею застежка галстука–бабочки. Сняв запотевшие почему–то очки, сминая белый уголок шелкового платка, сунул их в нагрудный карман фрака и глянул в зал. Первый ряд кресел расплывался, он разглядел лишь королевский мундир и какое–то крупное, смутно знакомое лицо, а дальше простиралась пестрая тьма.

Синхронисты закончили перевод последних, неожиданных для них, не вписанных заранее в текст фраз. И после десятисекундной тишины цветная тьма зашумела, будто ночное море, и плеск становился все громче…

Когда он вышел после приема и садился в арендованную машину, за рулем которой скорчился в своем негнущемся бронепиджаке Игорь Васильевич, а Сергей Иванович, зачем–то непрестанно кланяясь, как фарфоровый болванчик, придерживал открытую заднюю дверь, какой–то господин нагнал его.

– Простите, коллега, на правах старого знакомца…

И услышав эти барские интонации, этот давно исчезнувший выговор, он наконец–то вспомнил, с каких пор знает человека, которого на церемонии разглядел в первом ряду. Девяносто третий год в безумной Москве, стрельба, подземный переход на Пушкинской, едва ли не это же просторное и длинное черное пальто, и уж точно этот – низкий, немного хрипловатый – голос, вальяжное, старомосковское растягивание слов… «Черт вас раздери, любезные соплеменники… Вы когда–нибудь научитесь терапии–то европейской? Почему там бастуют веками – и ничего, а у нас день бастуют, на второй – друг другу головы отрывают? Почему там демонстрации, а у нас побоища? Почему там парламентская борьба, а у нас «воронки» по ночам ездят? А вам, смутьянам книжным, все мало, все мало! Подстрекаете, подталкиваете…»

– Николас Лаже, Лажечников Николай Михайлович, если забыли, – господин поклонился. Русскоязычный экстраполятор, пишу и на европейских языках. Потомок, как у вас говорят, второй, «полицайской» волны, осел здесь… А вы, почтенный Юрий Ильич, я так понимаю, сейчас припомнили наш стародавний разговор? Что ж, вынужден признать: я тогда чушь нес. Европу вам в пример приводил, цивилизованности у них учиться призывал, приглашал бежать, если в России совсем худо станет… М–да… Накрылась медным тазом, как говаривал мой батюшка, большой был любитель, Царствие ему Небесное, советского языка, их цивилизованность. Вот и они головы друг другу отрывают, за национальность к стенке ставят… Покинул Господь всех людишек на произвол их безумств, и истребят они сами род свой за грехи свои.

– Если у вас найдется пара свободных часов, – теперь он, в свою очередь, поклонился, – может, поедем, посидим в гостиничном баре, выпьем по рюмке, он криво усмехнулся, за мой триумф и за нашу общую катастрофу? Там тихо, в отель меня поселили очень приличный… Позвольте пригласить?

– С превеликим удовольствием, Лажечников первым полез в распахнутую гэбэшным холуем дверь, тем более, что с вас действительно, как это… причитывается?

– Причитается, машинально поправил он, хотя ему было не до языковых тонкостей, поскольку Сергей Иванович в это время упер ему сзади в поясницу ствол казенного пистолета и шипел театральным голосом: «…измена славянской родине… мы ж вас еще тогда предупреждали, не наш он человек, атлантист и отщепенец, аксеновец… эх, Юрий Ильич, Юрий Ильич…» Игорь же Васильевич из–за руля корчил страшные рожи.

Представляю вам мою охрану, – небрежно бросил он, садясь рядом с гостем на задний диван и глядя, как Сергей Иванович, всею спиной выражая возмущение и гражданскую позицию, втискивается на правое переднее сиденье. С тех еще времен мой, так сказать, щит и меч…

Пара, не оборачиваясь, раскланялась. Как и следовало ожидать, Игорь Васильевич при этом трахнулся лбом о баранку, а Сергей Иванович въехал теменем в стекло.

…вот с этим не могу не согласиться, – Лажечников отставил пустой бокал, привычно поднял палец, тут же возник лакей, опять налил итальянского красного, которое предпочитал старый русский европеец. Абсолютно вы правы, не все одними материальными притязаниями да борьбой экономических интересов можно объяснить. Давно уж не годится марксизм, в кровь впитавшийся даже и противникам его, для объяснения истории, а в нынешнем веке он и вовсе смешон. Ну, вот объединилась Европа из экономической очевидной выгоды, и что же видим? Таможен нет, пошлин нет, учетная ставка, черт бы ее драл, единая! И чему это мешает? От чего спасло? По никем не обозначенным границам турки из Исламской Земли Северный Рейн–Вестфалия стоят насмерть против сербов из Южно–Германского Православного Собора…

Республика Северная Италия атомными минами отгораживается от южан… Вы же через Бельгию ехали? Видели, что там вытворяют мирные фламандцы и их Союз Разделения, видели, во что превратились Брюссель, Льеж?.. Э–хе–хе… Нет, объяснять безумие разумными причинами могут только безумцы.

Я полагаю, что Творец всегда и во все, созданное человеком, заставлял нас закладывать заведомо слабое звено. Камень с трещиной, подгнившую доску, нелепое допущение… он запнулся, начав отвечать. Крутя головой, долго ловил взгляд официанта, а когда тот, наконец, подошел, заказал, стесняясь произношения, еще один виски, столь же крамольный в Европе, как в России водка. Да черт с ними и с их нравами – давно не пил некогда любимого шотландского самопального, соскучился… Впрочем, толстодонный стакан, заполненный светло–рыжим malt, появился мгновенно, он выпил…

Все время, пока длились эти манипуляции, Лажечников с выражением большого интереса на длинном, в глубоких складках, сильно загорелом лице молча ожидал развития мысли.

…но зачем же Господу потребовалось, простите за такой нелепый оборот, продолжил, наконец, он, заставлять, например, лучшие умы веками носиться с химерой равенства и строить на этом песке политические учения и системы? Зачем колесо истирает ось? Зачем, наконец, я пью вот это, добивающее мою печень?!

– Ну–с, и зачем? Лажечников смотрел с изумлением на побагровевшего, слишком громко говорящего русского из России. На подбородке лауреата выступили мелкие капли пота, рот искривился, брови над съехавшими на кончик носа очками поднялись и сошлись углом, придав лицу выражение отчаяния… Зачем же, по–вашему?

– А затем, чтобы ни мы, ни плоды наших размышлений и трудов не были вечными! Чтобы они разрушались со временем сами собой. Потому что вечны только дела Господа, и нам не равняться с ним.

Он перевел дух, допил четвертый виски, вовремя вытребованный догадливым Лажечниковым и, откинувшись в кресле, стал смотреть сквозь большое окно бара на улицу. По чисто вымытым плиткам тротуара, стуча тяжелым ботинками, прошел патруль Объединенных Боевых Сил Европы, проплыли желтые каски с буквами ОБСЕ…

Забавно, – тихо вздохнул он, – Россию в Европу не пускают, а язык русский сделали официальным международным… И вот еще что я вам хочу сказать: ни в какое сравнение ваш, европейский, развал с нашим, все–таки, не идет. У вас дом взорвут, а на следующий день уже разберут по кирпичику, всю дрянь выметут, огородят пустырь красиво, да новый потихоньку начнут строить… Повоюют, а потом тротуар вымоют… И уж что бы ни случилось, хоть распад страны, хоть конец света, а пиво хорошее всегда будет, и булочки утром в буланжери свежие… А у нас и в хорошие–то времена перед собственной дверью срали, а уж теперь… Нет, вас работать не отучишь, а нас не заставишь, это не меняется. Не хотим мы в поте лица есть хлеб свой… Так и выходит: вы друг с другом силами меряетесь, да против властей бунтуете, а мы против Бога.

Лажечников молча курил, видимо, обдумывая услышанное. Наконец заговорил тихо, как бы сам с собой.

– Один весьма неглупый человек сказал, что гипотеза Бога для его картины Вселенной не требуется. Вы же, получается, без нее обойтись не можете… Ну, дело ваше. Победителей не судят, тут Лажечников усмехнулся, а поскольку за результаты вашей практической экстраполяции вы только что получили чек на двести миллионов крон, что составляет примерно сто миллионов рулларов, то приходится признать и ваши теории верными. Или, по крайней мере, плодотворными… Что ж, рад был встрече.

Встав, старики обменялись рукопожатиями.

– А мое давнее приглашение остается в силе, – сказал Лажечников. – Если уж там совсем…

До «совсем» надеюсь не дожить, – ответил он и впервые за вечер засмеялся по–настоящему весело, от всей души.

В обратной дороге надоедливые спутники едва не довели его до настоящего сердечного приступа бесконечными нотациями, «разбором полетов».

– Вот вы, Юрий Ильич, высокомерно относитесь к нашим советам и пожеланиям, нудил, горестными морщинами покрывая геройское свое лицо, Игорь Васильевич, а мы же ведь типа не от себя по жизни выступаем конкретно…

– Nothing personal, надув губы, вставлял пухлощекий Сергей Иванович в старобандитский, свободное знание которого неожиданно обнаружил Игорь Васильевич.

– Молчи, Сергей, – раздражался старший, отвали со своей культурой, тут чисто по понятиям развести надо… Да, Юрий Ильич, огорчили вы нас и в нашем лице всю многострадальную Родину, великую Россию, единое наше с вами эсэсэсэр…

– Позвольте, я конкретизирую, опять влезал молодой. Вот, например, вы в своем блестящем выступлении утверждали, что политика и движение народных масс не всегда…

– …и не только, – быстро вставлял Игорь Васильевич.

– …и не только определяются экономическими факторами. Да как же вы могли так?! парень едва не плакал. А инвестиционный климат? А вызов, который нам предлагает новое позиционирование финансовых потоков? А транзакционные издержки? А…

– Вот без учета транзакционных–то херня и получилась, мрачно подтверждал Игорь Васильевич. И объективно вредная для страны херня, чуждая нашим традиционным народным ценностям. У нас инвестиционный климат какой? Резко–континентальный и соборный. А у них? Морской у них, сырой и теплый, они Гольфстримом пользуются в ущерб большей части теплолюбивых народов мира. Поэтому у них свой путь, а у нас – свой, особый…

– У нас и колея шире, – снова перебивал Сергей Иванович, помните, в Бресте вагоны переставляли? Вот видите! А вы с этим… с предателем макрополитических…

– …и геоэкономических, – вел второй голос Игорь Васильевич.

– …и геоэкономических наших православянских исконных исторически сложившихся интересов, с этим наемником атлантизма, откровенничали!

Тут Сергей Иванович вдруг замолчал, порылся в своем багаже, вытащил оттуда настольную лампу с черным металлическим абажуром и, ловко пристроив ее на вагонном столике, направил свет в лицо подследственному. Из тьмы за лампой раздались тихие голоса, кто задавал теперь вопросы, понять было невозможно.

– С какой целью вы сообщили агенту спецслужбы иностранного…

– …дружественного…

– …дружественного государства сведения…

– …секретные…

– …секретные сведения о Трубе, составляющие предмет государственной…

– …и коммерческой…

– …и коммерческой тайны?

В купе было душно, а от лампы стало еще и невыносимо жарко. Под ложечкой образовалась сосущая пустота, затошнило, поплыла прочь голова, взмокли ладони и ступни, и он понял, что сейчас грохнется в обморок, как уже бывало с ним в душных помещениях, даже и допроса не требовалось.

– Какая, к чертовой матери, еще труба, из последних сил, стараясь громким своим голосом удержать расползающееся сознание, заорал он, я не знаю никаких секретных сведений ни про какую трубу!

Лампа немедленно погасла и исчезла.

Немедленно же перед ним на столике оказалась налитая до краев его рюмка.

– Уверяю вас, Юрий Ильич, лучшее средство, нежно сказал Игорь Васильевич.

– Спазм надо снять, – робко посоветовал Сергей Иванович.

Он выпил. Через минуту дурнота отступила.

И сразу же началась лекция. Сергей Иванович развесил по стенам купе схемы и диаграммы, а Игорь Васильевич, прохаживаясь в тесном пространстве, излагал медленно и повторяя – для лучшего усвоения.

– Значит, Труба... Труба является основой экономики, политики, науки, культуры, этики, эстетики, духовности, соборности и народности... Записали? Давай дальше. Трубой... Трубой мы называем все, по чему... по которому... которой из страны вывозятся, выливаются, выдуваются национальные достояния, природные ресурсы и вообще все. Записали? Идем еще дальше...

– Вопрос у меня! – потянул, подпирая другой рукой локоток, вздрагивающую от старательности ладонь отличника Сергей Иванович. – А сколько хищнический Запад, так называемый «золотой миллиард», платит нам за истощение наших дорогих славянскому сердцу недр?

– Забегаете вперед, курсант, – поморщился Игорь Васильевич. – Но отвечу сразу, чтобы не было кривотолков и ложных измышлений, порочащих наш общественный и государственный, как говорится, строй: ничего не платит. Не платит, понял – нет, ничего! Это, понял – нет, не экономический в первую очередь вопрос, а идеологический, товарищи, вопрос. Да, грабят они нашу великую Родину, сосут, понял – нет, из ее священных глубин давно уже никому на хер не нужную нефть и такой же газ. И мы на это идем! Ради главного принципа, ради идеи. Потому что всегда богатый Северо–Запад грабил, грабит и будет грабить бедный Юго–Восток. И на этом мы стоим, и ревизовать нашу идеологию не позволим! Не деньги нам важны, а принцип. Деньги мы за танки наши старые, которые еще целы, получим. За ракеты какие–нибудь нам черножо... друзья из зарубежных стран этих самых денег сколько хочешь отгрузят! В конце концов, сами напечатаем! А принципы не напечатаешь, они нам отцами завещаны. И потому всегда на нашем знамени будет реять гордое слово «Промнефтегаз», понял – нет?!

В изнеможении от идеологического отпора лектор замолчал, а потрясенный Сергей Иванович глубоко задумался, глядя стеклянными зенками в научную даль. После длинной паузы Игорь Васильевич закончил сдержанно и строго.

– Здесь аудитория подготовленная, проверенная. Поэтому буду полностью откровенен. Да, слухи о том, что мы к каждой тонне экспортируемой сырой нефти прилагаем примерно столько же по весу рулларов, имеют под собой почву. Но отступать мы не будем. Потому что на Трубе есть Кран, даже Краны. И эти Краны есть основа суверенитета нашего и наших союзников. Недаром наш народ создал истинно народное слово «кранты»! Каждый может свой Кран закрыть – и посмотрим тогда на пресловутое мировое сообщество, на всю их Организацию Отделившихся Государств вместе с их хвалеными Объединенными Боевыми Силами Европы и якобы всемогущим Международным Военным Флотом. Где они тогда возьмут не нужную им, как было сказано, ни на хер нефть, а? И тонны рулларов, которые мы поставляем им только с нефтью? То–то... Краник свой родной перекрыли – и плюем на ваши так называемые ООН, ОБСЕ И МВФ! И мы можем плюнуть, и наши братья–мусульмане, к примеру, из Северного Персидского Царства. Это, товарищи, и есть государственная независимость: плюнем, если захотим!..

– ...или захочим, – тихо, мечтательно добавил Сергей Иванович.

Когда же эта галиматья стала идеологией, думал он, когда вообще начался рецидив идеологической паранойи, от которой, казалось, излечились уже радикально?

О чем ни подумай, опять приходишь к тем проклятым выборам... Общая бессмысленная счастливая истерика после третьего блестящего балканского похода, после ядерного удара по только что провозглашенной Ваххабитской Джамахирии, после первых экспортных успехов быстро восстанавливавшейся военной промышленности – нас снова будут бояться, нам снова будут платить видимость зарплаты...

И такой же бессмысленный общий страх перед провинциальными вождями – ох, раздерут гады страну на части, один только Генерал с ними справиться сможет! Та–акой строгий…

Вот и выбрали, идиоты. В полгода от строгости воспоминания не осталось – и от страны тоже.

Поначалу каждую неделю одно и то же рычал: «…как гарант территориальной целостности… не допустить неуплаты федеральных налогов… зарвавшийся удельный князек… силами полка воздушно–десантных войск…» И дальше все, как по писанному – полк высаживается, прямо на аэродроме разоружается местными спецназовцами под командованием какого–нибудь правильно сориентировавшегося, давно кормящегося от губернаторских щедрот полковничка… А по вечерам весь мир, пока не надоело, слушал очередные заявления: «…свободное радио Независимой Тьмутаракани… наглая агрессия Москвы… патриоты нашего края решительно… и провозгласить независимую свободную Республику Тьмутаракань!» Или какую–нибудь Великую Саха, или Свободную Территорию Тюмень, или Объединенные Эмираты Казани и Уфы, или Священную Алтайскую Империю… А через месяц, глядишь, подписывает мирный Генерал–Секретарь договор о мире и сотрудничестве, и жмет руку очередному главе государства, вспоминая, как этот поганец у него комвзводом служил…

И потом все катится одинаково жутко, в крови и безумии – в пропасть.

местные выселяют неместных;

неместные по ночам режут местных;

зияют черными окнами разграбленные и подожженные дома;

трупы лежат посереди улиц, будто раздавленные куклы;

истлевают в канавах изрубленные на куски;

качаются на опорах высоковольтки повешенные;

рассыпаются прахом сожженные в автомобильных покрышках;

«проклятые колонизаторы, которые теперь заплатят за все»;

«потерявшие человеческий облик националистические бандиты»;

«миротворцы», стреляющие на всякий случай во все стороны…

И сквозь все это тянется Труба, символ и миф, и за суверенные державные Краны торжественно держатся президенты, императоры, генеральные секретари и прочие комедианты, и миллионы спекулянтов делают миллиарды рулларов на импорте–экспорте через расползшиеся рваной сетью границы… «Внимание, воруем все!» – объявляет наглый массовик–затейник.

Боже мой, как же я устал, подумал он. Много лет почти безвыходно просидеть дома – и пуститься в такую дорогу! На восьмом десятке… Как бы не помереть, не успев и пожить лауреатом–то. Не успев и распорядиться…

С этим тянуть нельзя, подумал он. Как только приеду… Сразу же разыскать тех ребят и передать им чек.

За стеной, в своем купе, храпели, не разбирая дня и ночи, вертухаи.

Поезд пролетал мимо сожженных турецкими партизанами немецких городков, пересекал сравнительно тихую Чехию, возвращался в хмурую, насупившуюся разбойничьими лесами Польшу, мчался через светящиеся сотнями рентген болота Полесья – он опускал свинцовую штору, сидел в темноте, ленясь включить лампу, прикидывал, когда поезд проскочит радиоактивный ад…

Все же встал, щелкнул выключателем, вытащил из чемодана и принялся от скуки в который раз перечитывать свою старую статью.

«…естественный процесс вечного обновления будет полностью подменен разрушением – противоестественным, навязанным всего лишь за одно столетие несколькими десятками тщеславных, корыстных и безответственных художников и, в первую очередь, теоретиков культуры.

Зло, которое и во все времена было полноправным и важным предметом культурного освоения – воплощавшееся в литературных и театральных персонажах, в зрительных и музыкальных образах – станет единственным главным героем наиболее заметных, прославляемых критиками–экспертами произведений. Добро же окажется окончательно вытеснено на периферию художественных интересов, станет материалом лишь для иронического, пародийного, пересмешнического изображения. И эта, казалось бы, исключительно культурная революция решающим образом повлияет на формирование нового человечества. Будет до основания разрушена вечная, данная Господом иерархия, и понятие греха исчезнет, вернув нас в языческое – или, скорее, атеистическое – состояние нравственной пустоты.

Таким образом, постоянно опровергаемое пророками имморальной современной культуры влияние искусства на общественную жизнь получит – благодаря им же – последнее, ужасное подтверждение…»

Вроде бы все правильно и даже точно, с раздражением подумал он, бросив листки, а все равно как–то слишком просто.

Вдруг жутко захотелось закурить – тревога не оставляла все эти дни, да и неудивительно… Но курить в купе было нельзя ни в коем случае, на границе придут таможенники, учуют запах не какой–нибудь пакостной травы, а давно запрещенного в Европе табака – неприятностей не оберешься, все перероют, и найдут ведь прощальный подарок Коли Лажечникова, пачку кустарных Gitanes. Да еще могут прицепиться и к бутылке скотча, купленной перед самым отъездом, на вокзале, в специальном магазине для стариков – это ведь только в России такая свобода, минздрав может предупреждать сколько угодно, а ты себе кури, если хочешь, да пей, коли деньги есть…

Осторожно вытащив сигарету из пачки и зажав ее в кулаке, сунув в карман древнюю зажигалку, он пошел в уборную – там, конечно, дым вообще не выветрится, так ведь неизвестно, кто курил… Покачиваясь от толчков на рельсовых стыках, слегка стукаясь плечами о стенки, прошел по коридору, оглянулся – вагон, готовясь к пересечению российской границы и к неизбежным при этом неприятностям, старательно спал. Он открыл дверь в тесный чулан с крайне несимпатичным – да, уже почти дома! – толчком посередине, шагнул, захлопнул дверь.

В тот же миг небольшая ладонь крепко закрыла его глаза, и он услышал знакомый – удивился, что сразу вспомнил – голос: «Тихо, Юра, тихо… Не оборачивайся, слушай…»

Ну, в конце концов, пусть это будет мой собственный внутренний голос, подумал он. Пусть это будет, подумал он, мой ангел–хранитель…

«…ты все живешь в прошедшем времени, Юра. Тебе все еще кажется, что эти придурки, сопровождающие, что вся эта государственная суета вокруг тебя, официальное признание – это невинные глупости, клоунада, отчасти даже забавно, приятно даже… Увы, клоунада длилась недолго, десять лет в конце прошлого века, ты же помнишь. Потом страна стала маленькой, но вернула величие. И теперь она опять заносит над тобой сапог, она опять может растоптать тебя. Ты действительно собираешься отдать премию подпольным правым, Хранителям Завета? Если ты въедешь в страну, все пропало – у тебя отберут деньги и… Беги, Юра. Не возвращайся. Не думай ни о ком. Да и о ком теперь тебе думать? Никого нет. Нас нет. Не возвращайся.»

Он кое–как протащился по коридору, шатаясь и хватаясь за поручни под окнами, и заперся в купе. За стеной все так же бесперебойно храпели охранники.

Поезд входил в приграничную зону, сбрасывал скорость.

Он быстро выпил подряд три рюмки, собрал в чемодан разбросанное барахло, застелил постель – приготовился ко всему. И сел, завалился в угол, закрыл глаза.

Какой ужас – знать свою следующую минуту, думал он, это и есть пытка приговором. Зачем было меня предупреждать? Толку никакого, ничего не изменишь, просто обычная лишняя жестокость любящих людей…

Ну, так что?.. Сунуть в карман документы, тихонько пройти в тот тамбур, к которому не надо пробираться мимо купе конвоя. Как только поезд остановится перед границей, открыть дверь трехгранкой, с давних времен не вынимавшейся из дорожной сумки, осторожно слезть на междупутье, затаиться, прижавшись к вагонной стенке. И, едва поезд снова тронется, не торопясь, стараясь не оскользнуться на щебенке, двинуться назад. Найти телефон, объявить на весь мир, что жив и не возвращаюсь, остаюсь. Через час над головою повиснет вертолет, и, разворачиваясь, свалится лестница, подхватят... А через неделю и этот поезд, и этот страх исчезнут, растворятся в той же темной пустоте, куда ускользнуло все прошлое, все люди и большая часть меня самого. Будут только дощатый домик, чистенькая роща, толстые и смелые белки, прыгающие по веранде... Или...

Вагон тряхнуло, бросило вверх и вбок – как будто рельсы под колесами кто–то крутанул, как детскую скакалку.

Гэбэшники немедленно ворвались в купе, подняли его с пола, усадили, прикрыли своими казенными телами, окутали запахами солдатского пота, сапожного крема, плохого одеколона.

– Бомбардировщики! – проорал Игорь Васильевич сквозь вздохи разрывов, хлопки лопающихся вагонных переборок, пение вылетающих стекол. Джамахирия, мать бы их так! Вот под этот шумок они вас и похитят, уважаемый Юрий Ильич...

– И правда, – задумчиво согласился Сергей Иванович, – лауреата–то им похитить сам Аллах велел...

– Так что быстро подписывайте чек, Юрий Ильич, – тут же насел, но, надо признать, как–то дежурно насел, без энтузиазма, будто зная результат, Игорь Васильевич, подписывайте, дорогой вы наш, а уж мы...

– Уж мы–то его передадим, куда следует, подхватил Сергей Иванович, – прямо вашим Хранителям Завета и передадим...

– Или как их там? Вдруг с живым интересом уточнил Игорь Васильевич. – Адреса, телефоны, имена, клички?..

Он поглядел в окно. Там была тьма, вспышки выхватывали куски картины – переломившаяся опора высоковольтки, череда машин перед косо застывшим шлагбаумом, бегущая по обочине шоссе женщина...

Теперь это тоже прошлое, подумал он, тьма и вспышки, куски картины, puzzle, который мне не удалось сложить и никто никогда не сложит.

И больше уже не глядя ни на что и ни о чем не думая, лишь стараясь, чтобы от очередного взрыва не дрогнула рука, он подписал.

Тут же Игорь Васильевич с облегчением вздохнул, прижал служебный ствол к его затылку и нажал на спуск.

– Десять обещанных процентов, конечно, хрен получим, – сказал Сергей Иванович, пряча чек в потайной карман, пришитый к трусам изнутри, но штуки по две могут дать, премию. За образцовое выполнение... Ведь что ни говори, Игорь Васильевич, а задание лично товарища Генерала... в смысле, господина Секретаря... то есть, Генерал–Секретаря... короче, выполнено задание, точно и в срок. К внеочередному званию даже могут представить...

– Шире карман держи, злобно прошипел Игорь Васильевич, выталкивая тело из тамбура. И про личное задание не болтай... Дадут «За выплату долга Отечеству», тебе третьей степени, а мне второй – и все...

Поезд, набирая скорость, погнал вихрь, и старые листья, газетные клочья и прочий легкий прах поднялись в воздух, полетели следом.

Поднялся и он.

Небо было ясное и пустое, и в себе он чувствовал такие же ясность и пустоту.

Слава Богу, – он усмехнулся первой одинокой мысли, слава Богу, что стреляют они теперь все же так… чисто беллетристически стреляют, из сюжетных соображений… Какой–никакой, а прогресс…

На горизонте стояло зарево – там включила ночной свет Москва.

Там о тебе уже давно никто не скучает, тебе же сказано, вспомни… Впрочем… Разве ты можешь это знать?.. Возможно, они ждут, сами того не понимая… Ведь ты же хочешь туда, к ним?..

Да и стыдно – натворить и сбежать. Мальчишке было стыдно, а уж теперь–то…

Ах, вздорный ты старик. Чего раздумывать? Не ты выбираешь, разве забыл? Не ты решаешь…

Все давно решено. Пожизненно и далее. Возвращаться.

Тверская, Страстная, Ваганьково.

Выйти из такси на углу.

Вдоль забора и налево, туда, где дальние участки.

Пора к своим.

руллар – денежная единица, введенная после жесткой привязки курса РУбля к доЛЛАРу. Прим. к изданию 2020 года.

виртуголизм – болезненная, трудноизлечимая в то время компьютерная зависимость. Прим. к изданию 2030 года.

«двести миллионов крон… примерно сто миллионов рулларов» – таковы в 2015 году были размер Нобелевской премии по экстраполяции и курс кроны к руллару. Прим. к изданию 2040 года.

«секретные сведения о Трубе» – действие происходит во времена обожествления нефте– и газопроводов, уже потерявших свое практическое значение. Прим. к изданию 2050 года.